

УДК 93.94+001
DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-57-64

Н. Н. СМОРНОВ

Санкт-Петербургский
государственный университет,
г. Санкт-Петербург

«НЕЛЬЗЯ ОТДЕЛЯТЬ ЦЕРКОВЬ ОТ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ...»

Николай Николаевич Смирнов — доктор исторических наук, профессор, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. В 2013—2018 годах возглавлял Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук. Специалист по истории Великой российской революции, внешней политики России, отечественной интеллигенции, истории Гражданской войны. Интервью было записано в Санкт-Петербурге в январе 2022 г. Беседа посвящена современному состоянию историографии революции и Гражданской войны в России. Особое внимание уделено проблеме религиозного фактора в России в годы Гражданской войны.

Ключевые слова: Великая российская революция, Гражданская война в России, религиозный фактор, Русская Православная Церковь, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук.

Николай Николаевич СМОРНОВ

— Вы являетесь крупнейшим специалистом по истории революции в России. Сейчас историки и общественные деятели спорят о том, как правильно называть революцию в России 1917 г. и сколько их было — одна или две. Обозначьте, пожалуйста, свою точку зрения. И в частности, как вы относитесь к термину Великая Российская революция?

— В 2014 г. этот вопрос поднимался в РАН. Тогда специальная комиссия отделения историко-фи-

лологических наук решила именовать эти события Великая Российская революция 1917 г. Я с этим решением согласен. Революционные события в России укладываются в данное определение.

В этой связи примечателен такой факт. В ноябре 2017 г. я беседовал с известным французским специалистом по европейской истории начала XX века, истории России и СССР Марком Ферро. Должен сказать, что во Франции столетие нашей революции вызвало не меньший, если не больший, чем в России, интерес в академических кругах. Ввиду этого я счел возможным поинтересоваться у французского коллеги: уместно ли называть российскую революцию Великой? Он ответил: «Это, конечно, не Великая Французская революция. Но все, что происходило в России сто лет назад, вполне укладывается в определение «Великая» в социально-политическом и экономическом отношении».

На мой взгляд, в 1917 г. в России революция, безусловно, была одна. Она началась со свержения монархии в феврале 1917 г. и завершилась в январе 1918 г. роспуском Учредительного собрания и принятием III Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» — документа, заложившего основы конституционного устройства Советской республики [1]. Внутри же события российской революции правильно делить на два этапа: февраль — март — буржуазно-демократический этап и октябрь — ноябрь — социалистический этап Великой Российской революции 1917 г.

— Одной из дискуссионных проблем историографии являются хронологические рамки Граждан-

ской войны в России. Традиционные для советской историографии даты современными историками оспариваются. Как Вы определите хронологические рамки Гражданской войны в России?

— Хочется согласиться с советской историографией, датировавшей ее начало свержением самодержавия, а окончание — образованием СССР. В современной российской историографии мнения разделились. Часть историков согласна с традиционной, советской точкой зрения. Другие датируют ее начало весной 1918 г., а завершение — декабрем 1922 г. Есть историки, которые связывают с Гражданской войной восстание в Туркестанском крае осени 1916 г. и знаменитые Ташкентские события, а завершают Гражданскую войну капитуляцией белого Крыма в конце 1920 г. Лично мне, применимо к Туркестану, эта точка зрения кажется не вполне убедительной: скорее в этом случае уместнее говорить именно о гражданском неповиновении, а не каком-то революционном акте. К тому же противостоявшие друг другу силы были слишком неравными. Если же датировать Гражданскую войну в России с весны 1918 г. и до разгрома Врангеля и Великого Русского Исхода из Крыма осенью 1920 г., то в эту схему не вполне укладываются события в Сибири и на Дальнем Востоке 1921—1922 гг. Как же их можно расценивать иначе, как не форму проявления Гражданской войны? Думаю, что об этом не следует забывать, равно как и об участии в этих событиях иностранцев, осуществивших масштабную военную интервенцию в распавшуюся на части некогда единую Россию.

Обилие подходов к хронологическим рамкам Гражданской войны в России свидетельствует о том, что в умах исторического сообщества нет четкого, общепринятого определения Гражданской войны. Пока его нет, мнения историков будут расходиться и меняться. Мне уже приходилось об этом говорить во время недавней конференции в Омске [2]. Позволю себе подчеркнуть еще раз, что нельзя совершенно отрицать сделанного советскими историками, и отошлю вас к первому тому книги, давным-давно уже ставшей классикой — «Гражданская война в СССР». Согласно традиционному представлению, борьба началась с противостояния двух сил: сторонников сохранения монархии и ее противников, однозначно не определившихся на первых порах с будущим страны. До 1 сентября 1917 г. наша страна определялась с выбором, вероятно, справедливо относя вопрос о форме правления постфевральской России к компетенции будущего Всероссийского Учредительного Собрания — суверена всех ключевых вопросов русской общегосударственной жизни. В этот день, сразу после подавления корниловского мятежа, Временное правительство провозгласило в стране республику и стало ясно, кто победил. Далее борьба развернулась уже в рамках республиканской парадигмы развития.

Хотелось бы также сказать, что для российской историографии в подходе к пониманию Гражданской войны рубежной стала статья академика Ю. А. Полякова «Гражданская война в России: возникновение и эскалация» [3]. Она по настоящее время сохраняет теоретическое значение для исторического знания.

— На Ваш взгляд, какова роль внешнего фактора в событиях Русской революции и Гражданской войны в России?

— Роль огромна! К событиям 1917 г. правитель-

ства союзных России государств — Великобритании и Франции — подошли по-разному. Франция была нейтральна к русской монархии, но французские социалисты поддерживали своих российских единомышленников-коллег, боровшихся против нее. Английская миссия в Петрограде была причастна к убийству Григория Распутина, определившему, на мой взгляд, лавинообразный рост революционных настроений в обществе. Англия, Франция, Италия и позднее США отнеслись к свержению монархии неоднозначно. Временное правительство просило признания «де-юре». Но до мая 1917 г. союзники на это не шли. В беседах с министром иностранных дел Временного правительства П. Н. Милюковым их дипломаты выражали благосклонное отношение к свержению русской монархии, но де-юре признания правительство не получало, так как союзники требовали письменного подтверждения договоров, заключенных Российской империей с союзниками по Антанте. Для Временного правительства это был щекотливый вопрос, связанный с публичным признанием продолжения участия России в войне и признанием старых дореволюционных обязательств. Такой шаг мог спровоцировать недовольство правительством со стороны петроградских рабочих и солдат, которые поддержали бы Совет рабочих и солдатских депутатов. Правительство и Совет признали друг друга, но по отношению к войне их позиции не совпадали. В той ситуации П. Н. Милюков стал «козлом отпущения». Он связал правительство с союзниками. В середине и конце марта 1917 г. П. Н. Милюков представлял два проекта декларации правительства по этому вопросу, но союзники настаивали на открытом признании. Тогда он сам подкорректировал проект, включив в декларацию правительства положение о гарантиях в войне и цели России по Босфору и Дарданеллам.

С другой стороны, Франция, в отличие от Британии, пыталась спасти царскую семью. Французский посол Морис Палеолог утверждал, что его страна была готова принять царскую семью на правах российских граждан. До 12 мая 1917 г. работа по подготовке к эмиграции семьи Романовых французами активно велась. Однако Александр Федорович Керенский решил выслать царскую семью за Урал, сорвав работу М. Палеолога и П. Н. Милюкова. Неслучайно, что именно 12 мая 1917 г. П. Н. Милюков ушел в отставку, а М. Палеолог начал подготовку к своему отъезду из России.

В Гражданской войне в России иностранная военная интервенция выступает в роли важнейшего фактора, ее реальность невозможно отрицать. В интервенции участвовали крупнейшие государства — Германия, США, Япония, Франция, Англия, и, следовательно, нужно признать заметную, если не определяющую роль в ней внешнего фактора. Белые зависели от поддержки извне деньгами и боеприпасами. Интервенционистский фактор определил продолжительность, масштаб и ход событий Гражданской войны в России.

— Каковы основные перспективы изучения революции и Гражданской войны в России? Выделите, пожалуйста, на ваш взгляд, наиболее знаковые работы по истории Гражданской войны в России, появившиеся за последнее десятилетие?

— Сложно говорить о перспективах, так как эту проблематику в настоящий момент разрабатывают ученые, профессиональное становление которых происходило в разное время и являющихся пред-

ставителями разных исторических школ — советской и постсоветской историографии; немудрено, что не во всем и не всегда мы имеем единую точку зрения. Я бы сказал, что, наверное, в силу этой причины в историческом сообществе нет консенсуса по важнейшим проблемам Гражданской войны в России. Например, историки не сходятся во взглядах на движущие силы начального этапа революции или на роль политических партий в ней. Сегодня некоторые российские исследователи пытаются отказаться от оценки стихийности Февраля и пытаются выделить в качестве его лидера IV Государственную думу, якобы породившую и обуздавшую революцию. Отмечу, что в январе 1917 г. Дума подчинилась решению царя Николая II о роспуске. Однако петербургский историк А. Б. Николаев полагает, что Временный комитет государственной думы породил и направлял революцию. Подобные взгляды высказываются им в целом ряде работ, наиболее подробно об этом говорится в его известном двухтомнике, вышедшем в Санкт-Петербурге несколько лет назад [4]. Не будем забывать и о масонском факторе, который нередко воспринимается как химера или выдумка дилетантов и литературных золотоискателей. Однако еще несколько десятилетий назад, в перестроечную пору, замечательный ленинградский историк Виталий Иванович Старцев обращал внимание на роль в революции ложи масонов «Великий Восток народов России» [5, 6]. Это суждение подтверждают и известные воспоминания Нины Берберовой, которая писала, что масоны создали Временное правительство и Петроградский исполком Совета рабочих и солдатских депутатов. Там действительно присутствовали масоны, но я не могу согласиться с отказом от концепции стихийности Февраля, равно как и не желаю преувеличивать роль масонов в революционных событиях 1917 года. Словом, масоны принимали участие в революции, но вовсе не благодаря им она приняла такой масштаб.

Итак, с моей точки зрения, стихийный характер революции отрицать бессмысленно. Кроме того, по моему разумению, следует пересмотреть и хронологию революции. Начало революции случилось не 23 февраля 1917 г. Исходя из ситуации в стране, революционная ситуация начала развиваться вопреки желанию власти и лидеров политических партий. Первое недовольство было от чиновников и интеллигенции. Они не понимали, почему на полках магазинов нет черного хлеба, масла, мыла, но есть рябчики и шампанское. Объяснения властей их не удовлетворяли.

Фактор миграции вследствие войны забывают все. Чиновники считали, что миграционный процесс управляем. Но это не соответствовало действительности. Беженцы ехали в Петроград и Москву вопреки эвакуационным предписаниям. Много людей было без документов, и они не попадали в статистику. Шло их накопление в столичных городах. Буржуазия этим была довольна, так как получала массу людей, готовых работать за краюху хлеба. Таких маргинальных работников были десятки тысяч. Именно они, как мне кажется, породили революционную ситуацию, когда количество недовольных росло в геометрической прогрессии.

Лидеры политических партий не ожидали революции. Буквально накануне революции лидер крупнейшей российской буржуазной партии — партии кадетов — П. Н. Милюков в беседе с корреспондентом шведской газеты отрицал наличие револю-

ционной ситуации. На его взгляд, до ее возникновения должно было пройти еще немало времени. Аналогичные мысли были и у В. И. Ленина, который в конце января 1917 г. говорил, что не доживет до революции. Развилка начала 1917 г. не изучена историками. 23 февраля, как начало революции — упрощение, не принимающее во внимание всей предыстории событий.

Молодое поколение, изучающее Гражданскую войну в России, обнадеживает, но временами ставит меня в тупик. Из его представителей выделю московских историков Р. Г. Гагкуева [7], А. В. Ганина [8, 9], каждый из них отметился крупными работами, которые оказали серьезное влияние на историографию, из петербургских исследователей я не могу не назвать моего ученика Александра Сергеевича Пученкова, автора капитальных монографий по истории Гражданской войны на Юге России [10, 11], а из моего поколения — не нуждающегося в представлениях Бориса Ивановича Колоницкого, труды которого пользуются заслуженным уважением у специалистов [12]. Смущает, что в современной историографии все большую популярность приобретает попытка представить период 1917–1922 гг. как ряд гражданских войн. Это путь в никуда! Такая попытка бесперспективна. Белый лагерь был консолидирован. Им руководили соратники, давно и хорошо знавшие друг друга по прежней службе. Они поддерживали связь и пытались объединиться. Следовательно, имели место события одного порядка, именуемого гражданской войной. Отказываться от этого бессмысленно. Отходить от этапов, определенных ранее, — неуместно. Нужны 2–3 крупных статьи по проблеме. На основе их обсуждения историки должны прийти к консенсусу. Иначе прогресса в разработке проблемы не будет. В новейшей историографии новизна состоит только во введении новых источников, недоступных или проигнорированных ранее. И это позитивно. Но этот этап завершается. В перспективе — концептуальное переосмысление, которое в обозримом будущем вполне возможно.

Также мне нравится, что происходит расширение круга историков, исследующих революционный процесс и Гражданскую войну в России. Молодежь в начале XXI века развернулась лицом к этим событиям, поняв, что без них не осмыслить советскую историю в целом.

— Вы занимали высокую научно-административную должность директора СПбИИ РАН. Что удалось сделать, а что не получилось? Каковы, на Ваш взгляд, перспективы развития исторической науки в современной России?

— Я возглавлял Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук четыре с половиной года. За это время удалось сделать немало.

Во-первых, сохранить институт как одно из ведущих научных учреждений России. Когда я баллотировался в РАН, часть коллег высказалась, что Санкт-Петербургский институт не играет значительной роли в научной жизни. Это меня задело. Это неверно. Пришлось им напомнить о том, как Институт истории был создан именно в Ленинграде в 1936 г. Только позднее его часть переехала в Москву. Но наш филиал всегда играл одну из ведущих ролей в отечественной исторической науке. Работа института за четыре с половиной года под моим началом изменила отношение к нему коллег. С институтом стали считаться. В институт пришла талантливая молодежь, но при этом я не позволил

убрать стариков. Они — честь и слава учреждения. Их знания и способность ими делиться бесценны. Я в ужасе от того, что стало происходить после моего ухода! Не пойму, как можно было расстаться с таким выдающимся специалистом, как Алексей Николаевич Цамутали, проработавшим в нашем институте всю свою жизнь. Он историк-энциклопедист. Нужно было отговорить. Отношение к старшему поколению нуждается в ином подходе. Я тоже за обновление. Новое руководство создало лаборатории по изучению источников и блокады Ленинграда. И это правильно. Но нужно не грубо все ломать и менять, а расширяться и дополнять через создание новых лабораторий по конкретным явлениям в историческом процессе.

Во-вторых, в период моего руководства значительно возросла публикационная активность сотрудников института. Мы создали «Петербургский исторический журнал». Сейчас это одно из лучших в России изданий. Он имеет свое лицо и живет, чем я доволен.

В-третьих, у нас издавались «Труды Ленинградского отделения института истории», которые выходили нестабильно. Я выступил за регулярный выход нашего институтского издания. Этого удалось добиться. Сейчас «Труды Санкт-Петербургского института истории РАН» — издание ежегодное.

В-четвертых, стал регулярно печататься сборник «Вспомогательные исторические дисциплины» — уникальное, единственное в стране издание по такой тематике. Оно выходило и до меня, но с 2014 года стало ежегодником.

В-пятых, в это же время новгородский сектор стал ежегодно издавать «Новгородский исторический сборник». Это важно.

Теперь о том, что не успел или не получилось. Хотелось бы сделать больше для сохранения архива института. Сохранность ряда документов вызывает опасения, так как существует много угасающих документов. Мы не нашли денег на оборудование. Сегодня финансирование значительно улучшилось. Институт может покупать оборудование и заключать договоры с архивами и библиотеками РАН. И хорошо, что эта работа идет.

— **Вы являетесь одним из исполнителей проекта РНФ «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика», реализуемого в Санкт-Петербургском государственном университете. Позвольте задать Вам несколько вопросов об этом.**

Что Вы понимаете под «религиозным фактором» в годы Гражданской войны?

— Советская и постсоветская историография не учитывает в должной мере влияние религиозного фактора на события Гражданской войны в России. Традиционно изучалось разделение общества на красных и белых, военная составляющая междоусобного конфликта, но крайне редко исследователи обращали внимание на разделение по религиозному критерию. Вопрос нуждается в глубоком изучении. Его игнорирование обедняет историю Гражданской войны в России. До революции традиционным для Российской империи было деление подданных на русских и инородцев. В период революции религиозный фактор не сразу проявился остро. Но по мере эскалации Гражданской войны религиозный фактор в тесном переплетении с национальным дал знать о себе. Он влиял на все противоборствовавшие силы. Для белых он был более значим. Они подняли его на свои знамена,

провозгласив своей целью сохранение православия в качестве господствующей конфессии и уничтожение атеизма, о ключевой роли которого в процессе рождения общества, свободного от эксплуатации человека человеком, заявили большевики. При этом атеизм, как фактор Гражданской войны, практически не исследован. Не будем отождествлять религиозный фактор исключительно с православием — господствующей религией России. Россия — не только многонациональная, но и многоконфессиональная страна; такая она сейчас, такой же она была и сто лет назад. Огромную роль играл в Гражданской войне исламский фактор — без его учета невозможно понять внутреннюю логику междоусобицы на Северном Кавказе. Мусульмане были и в рядах белых, и в рядах красных; последние проявили изрядное политическое искусство и сноровку, в решающий момент военной кампании 1919 г. смело пойдя на союз с горскими повстанцами, воювавшими против Деникина. Об этом аспекте Гражданской войны на Северном Кавказе в последние годы вышло несколько интересных работ. Обращу внимание на то, что мусульмане России не были идеологически монолитны, это надо учитывать при оценке исламского фактора в период Гражданской войны.

Религиозный и национальный факторы обусловили региональную специфику Гражданской войны в России. На национальных окраинах бывшей Российской империи ситуация различалась и существовали свои местные особенности. Для центральных областей России существенную роль играл православный фактор. В регионах с компактным мусульманским населением существенное значение имел исламский фактор. Ислам объединял мусульман в своих регионах. В этой связи для населения Туркестана выбор, с кем быть, был крайне сложным. Именно благодаря религиозному фактору Гражданская война в этом регионе продлилась до конца 1920-х гг.

Также замечу, что немногие современные исследователи понимают значимость национального фактора, забывают, что, к примеру, казахи и киргизы были иными, чем те, что сегодня. Переплетение социального, религиозного и национального факторов создавало сложности для людей с выбором стороны, которую они поддерживали.

Религиозный фактор объединял население в некоторых регионах. Но в этом случае возникала проблема у религиозных меньшинств. В частности, обратил внимание на такие уникальные этнические группы, как бухарские и дербентские евреи, — судьба каждой из них в XX веке заслуживает, на мой взгляд, отдельной монографии. Кроме того, нельзя упустить традиционные верования как основу религиозного мировоззрения у целого ряда северных народов.

— **Какова роль конфессий в развитии Гражданской войны в России? И в частности, поликонфессиональность — это фактор мира или фактор войны?**

— Поликонфессиональность — это не фактор войны или мира. Это фактор, с которым нужно считаться. Религиозный фактор может играть определяющую роль даже во время эпидемий, когда разные конфессии по-разному предписывают вести себя верующим. Для верующего человека религия является основой поведенческой модели, и, соответственно, отношение к ней определяло выбор человека в годы Гражданской войны в России

и не только в сторону белых или красных. Этот фактор породил другие силы — тех, кто из-за религии не мог себя ассоциировать ни с белыми, ни с красными. В том числе и в результате этого появились зеленые и не только они. В этом отношении крайне перспективно изучение партизанского движения на Урале в Сибири и на Дальнем Востоке. Оно могло быть самостоятельным и выступать против основных общероссийских сил.

— **У нас, в Сибири, Русская Православная Церковь организовала ВВЦУ Сибири. Она публично поддержала режим адмирала А. В. Колчака, участвуя в информационном противоборстве на стороне белых и укомплектовав институт военного духовенства, созданный в белой армии [13; 14, с. 94–95; 15, с. 943]. Эта политика повлияла на сакрализацию в общественном сознании имени адмирала А. В. Колчака в наши дни [16]. Можно ли Русскую Православную Церковь рассматривать в качестве субъекта конфликта в масштабах России в целом и, в частности, в Сибири?**

— Она сыграла свою роль, как одна из участниц конфликта против красных везде, где были сильны белые. Она — субъект конфликта там, где велась война. При этом будет ошибкой считать церковь единой. Катаклизмы ее не обошли. Она была расколота. В ней, как и во всем обществе, развивался революционный процесс, и здесь уместно сослаться на работу П. Г. Рогозного [17], уже несколько десятилетий увлеченно занимающегося историей Русской Православной Церкви. Представители православного духовенства, как и вся Россия, делали мучительный выбор: с кем ты, за кого? Это все проявлялось еще до начала революции и, естественно, усилилось в ходе нее и имело место еще достаточно продолжительное время. Да и пресловутые «антибольшевистские» проповеди Церкви имели далеко не столь однозначный характер, как принято считать. Русская Православная Церковь была растеряна: впервые за всю свою историю она столкнулась с политическим режимом, настроенным по отношению к ней откровенно враждебно. Что ей было еще делать, как не сочувствовать Белому движению, риторика которого была обращена в сторону защиты веры? Об этом я говорил недавно в своей работе, написанной в соавторстве с талантливым петербургским историком В. В. Калиновским [18]. Раскол церкви объясняет обновленчество. Ведь обновленцы многочисленны, и это часть Русской Православной Церкви. Церковь в условиях Гражданской войны не могла быть монолитной силой. Стоит задуматься: а насколько искренне белых поддерживала церковь? Всегда ли церковник шел за Деникиным, Колчаком, Врангелем? Об этом уже написано немало; лично мне из работ, вышедших в последние годы, наиболее интересными показались монографии, совместно подготовленные моими коллегами — петербургскими историками В. В. Калиновским и А. С. Пученковым, исследовавшими положение духовенства в революционные годы на примере Крыма [19], а также известным исследователем церкви С. Л. Фирсовым, умело обобщившим главнейшие вопросы истории русского православия в период междоусобицы в своей монографии [20]. Эти исследования привлекли мое внимание именно из-за того, что в них специфические, казалось бы, проблемы внутрицерковной жизни, в том числе и в отдельных регионах России, были показаны не в отрыве от общероссийских проблем, как это нередко бывает в трудах историков Русской

Православной Церкви, напротив — в них показана взаимосвязь и взаимозависимость религии и политики, в этих книгах церковная история связана с историей гражданской; на мой взгляд, этим могут похвастать далеко не все исследователи церкви — нередко они — прямо по Ленину — показывают церковь в отрыве от государства. На мой взгляд, это и есть схоластика: нельзя отделять церковь от гражданской истории. Любая конфессия связана с обществом, в котором функционирует. Как видим, целый ряд проблем, связанных как с историей церкви в годы революции и Гражданской войны, так и с изучением феномена, значения и региональной специфики применимо к религиозному фактору, еще нуждается в серьезном и глубоком исследовании. Хочется верить, что коллектив, к которому я имею честь принадлежать, справится с задачей подготовки подобной работы. Думаю, она будет востребована не только специалистами, но и всеми, интересующимися отечественной историей.

— **Являются ли, на Ваш взгляд, победившие в Гражданской войне в России большевики основателями «новой религии»?**

— Большевики не создавали новой религии. Они были атеистами — противниками любой конфессии. А победили они в России под социалистическими лозунгами, многие постулаты которых были ими заимствованы, в том числе, и из церковной риторики. Не гнушались они и проявлять во имя собственной политической выгоды и подчеркнутую терпимость к представителям неправославных конфессий. Пример — Северный Кавказ, о чем я уже говорил. Белые подобной гибкости и политической изощренности не демонстрировали, их цель была далеко не очевидной не только для рядовых белогвардейцев, но и для вождей. Они шли просто против красных, а это против лозунгов большевиков не работало. Об этом хорошо написано в недавней монографии А. С. Пученкова [21]. Народ же хотел «Мира, Хлеба и Справедливости». Возможность обретения всего вышеперечисленного под красным знаменем Октября казалась гораздо более реальной, чем под знаменем «Великой, Единой и Неделимой».

— **Николай Николаевич, благодарю за интервью и желаю Вам дальнейшей плодотворной научной работы!**

Беседовал Алексей СУШКО.

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке проекта РНФ, 21-18-00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика», реализуемого в Санкт-Петербургском государственном университете.

Библиографический список

1. Смирнов Н. Н. Третий Всероссийский съезд Советов: история созыва, состав, работа / под ред. О. Н. Знаменского. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. 123 с.
2. Смирнов Н. Н. К вопросу о новаторских подходах в изучении истории Гражданской войны в России // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию Западно-Сибирского восстания и 10-летию Центра изучения истории Гражданской войны. Омск, 2021. С. 271–278.

3. Поляков Ю. А. Гражданская война в России: возникновение и эскалация // Отечественная история. 1992. № 6. С. 32–41.
4. Николаев А. Б. Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года: в двух томах: моногр. В 2 т. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. Т. 1. 592 с. ISBN 978-5-8064-2419-9.
5. Старцев В. И. Русское политическое масонство. 1906–1918 гг. Документы архива Гуверовского института войны, революции и мира // История СССР. 1989. № 6. С. 119–134.
6. Старцев В. И. Русское политическое масонство. 1906–1918 гг. Документы архива Гуверовского института войны, революции и мира. Окончание // История СССР. 1990. № 1. С. 139–155.
7. Гагкуев Р. Г. Белое движение на Юге России: военное строительство, источники комплектования, социальный состав, 1917–1920 гг. Москва: Посев, 2012. 703 с.
8. Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны. Москва: Пятый Рим, 2018. 860 с. ISBN 978-5-9908267-1-7.
9. Ганин А. В. Офицерский корпус в годы Гражданской войны в России 1917–1922: моногр. Москва: Старая Басманная, 2018. 271 с. ISBN 978-5-6041488-6-0.
10. Пученков А. С. Украина и Крым в 1918–начале 1919 года: очерки политической истории. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. 351 с.
11. Пученков А. С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918–весна 1920 г.): моногр. 2-е изд., испр. и доп. Москва: НПК, 2016. 399 с. ISBN 978-5-904819-55-2.
12. Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. Изд. 2-е, испр. и доп. Санкт-Петербург: Лики России, 2012. 318 с.
13. Олихов Д. В. Временное высшее церковное управление Сибири (1918–1920 гг.). Опыт церковного строительства в эпоху гражданского лихолетья. Санкт-Петербург: Сатис, 2017. 220 с.
14. Сушко А. В. Священник в русской революции: взгляд на проблему с позиций антропологического подхода к истории (выступление на круглом столе «Духовенство и революция», посвященном истории Русской Православной Церкви в годы революции и Гражданской войны в России, 5 декабря 2019 г.) // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2020. № 1 (8). С. 89–96.
15. Сушко А. В. Сибирский церковный собор: опыт новейшей археографии // Вестник архивиста. 2021. № 3. С. 939–945. DOI: 10.28995/2073-0101-2021-3-939-945.
16. Петин Д. И. Мифы в локальной истории: обзор работы круглого стола в Омске // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 4. С. 38–49. DOI: 10.31804/2542-1816-2020-4-4-38-49.
17. Рогозный П. Г. Православная церковь и русская революция: очерки истории 1917–1920. Москва: Весь Мир, 2018. 303 с.
18. Калиновский В. В., Смирнов Н. Н. Актуальное наследие Сибирского собора // Российская история. 2021. № 6. С. 199–203. DOI: 10.31857/S088956870017302-3.
19. Пученков А. С., Калиновский В. В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах: моногр. Санкт-Петербург, 2020. 407 с. ISBN 978-5-93615-232-0.
20. Фирсов С. Л. «Время войне и время миру». Православная Российская церковь и Гражданская война в России: очерки истории и историографии. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. 166 с.
21. Пученков А. С. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных сил на Юге России (ноябрь 1917 – декабрь 1918): моногр. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2021. 813 с. ISBN 978-5-93615-233-7.

СМИРНОВ Николай Николаевич, доктор исторических наук, профессор (Россия), профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург.
 SPIN-код: 1106-7500
 AuthorID (РИНЦ): 641143
 ORCID: 0000-0002-9083-322X
 AuthorID (SCOPUS): 57188803049
 ResearcherID: H-2502-2015
 Адрес для переписки: nick_smirn@mail.ru.

Для цитирования

Смирнов Н. Н. «Нельзя отделять церковь от гражданской истории...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 2. С. 57–64 DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-57-64.

Статья поступила в редакцию 01.02.2022 г.
 © Н. Н. Смирнов

«THE CHURCH CANNOT BE SEPARATED FROM CIVIL HISTORY...»

Nikolai Nikolaevich Smirnov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of St. Petersburg State University. In 2013–2018, he headed the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. Specialist in the history of the Great Russian Revolution, Russian foreign policy, domestic intelligentsia. This interview was arranged in October 2021. It was given remotely and then edited by Nikolai Nikolaevich from St. Petersburg in January 2022. The conversation is devoted to the current state of the historiography of the Revolution and the Civil War in Russia. Special attention is paid to the problem of the religious factor in Russia during the Civil War.

Keywords: Great Russian Revolution, Civil War in Russia, religious factor, Russian Orthodox Church, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

Acknowledgments

The article is prepared with the support of the Russian Science Foundation project, 21-18-00266 «Religious factor in Russia during the Civil War: phenomenon, significance and regional specificity», implemented at St. Petersburg State University.

References

1. Smirnov N. N. Tretiy Vserossiyskiy s"yezd Sovetov: istoriya sozyva, sostav, rabota [Third All-Russian Congress of Soviets: history of convocation, composition, work] / Ed. O. N. Znamenskiy. Leningrad: Nauka Publ., 1988. 123 p. (In Russ.).
2. Smirnov N. N. K voprosu o novatorskikh podkhodakh v izuchenii istorii Grazhdanskoy voyny v Rossii [On the issue of innovative approaches to the study of the history of the Civil War in Russia] // *Grazhdanskaya voyna na vostoke Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noye naslediyе. Civil War in the East of Russia: a Look Through the Documentary Heritage*. Omsk, 2021. P. 271–278. (In Russ.).
3. Polyakov Yu. A. Grazhdanskaya voyna v Rossii: vozniknoveniye i eskalatsiya [Civil war in Russia: the emergence and escalation] // *Otechestvennaya istoriya. National History*. 1992. No. 6. P. 32–41. (In Russ.).
4. Nikolayev A. B. Dumskaya revolyutsiya: 27 fevralya – 3 marta 1917 goda. V 2 t. [Duma revolution: February 27–March 3, 1917. In 2 vols.]. St. Peterburg, 2017. Vol 1. 592 p. ISBN 978-5-8064-2419-9. (In Russ.).
5. Starcev V. I. Russkoe politicheskoe masonstvo. 1906–1918 gg. [Russian political freemasonry. 1906–1918] // *Istorija SSSR [History of the USSR]*. 1989. No. 6. P. 119–134. (In Russ.).
6. Starcev V. I. Russkoe politicheskoe masonstvo. 1906–1918 gg. [Russian political freemasonry. 1906–1918] // *Istorija SSSR [History of the USSR]*. 1990. No. 1. P. 139–155. (In Russ.).
7. Gagkuyev R. G. Belaye dvizheniye na Yuge Rossii: voyennoye stroitel'stvo, istochniki komplektovaniya, sotsial'nyy sostav, 1917–1920 gg. [White movement in the South of Russia: military construction, recruiting sources, social composition, 1917–1920]. Moscow, 2012. 703 p. (In Russ.).
8. Ganin A. V. Sem' «pochemu» rossiyskoy Grazhdanskoy voyny [Seven «why» of the Russian Civil War]. Moscow, 2018. 860 p. ISBN 978-5-9908267-1-7. (In Russ.).
9. Ganin A. V. Ofitserkiy korpus v gody Grazhdanskoy voyny v Rossii 1917–1922 [Officer Corps during the Civil War in Russia 1917–1922]. Moscow, 2018. 271 p. ISBN 978-5-6041488-6-0. (In Russ.).
10. Puchenkov A. S. Ukraina i Krym v 1918–nachale 1919 goda: ocherki politicheskoy istorii [Ukraine and Crimea in 1918–early 1919: essays on political history]. Moscow; Sankt-Peterburg, 2013. 351 p. (In Russ.).
11. Puchenkov A. S. Natsional'naya politika generala Denikina (vesna 1918–vesna 1920 g.) [National policy of General Denikin (spring 1918–spring 1920)]. 2nd ed. Moscow, 2016. 399 p. ISBN 978-5-904819-55-2. (In Russ.).
12. Kolonitskiy B. I. Simvoly vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniyu politicheskoy kul'tury rossiyskoy revolyutsii 1917 goda. [Symbols of power and the struggle for power: towards the study of the political culture of the Russian revolution of 1917]. 2nd. ed. Sankt-Peterburg, 2012. 318 p. (In Russ.).
13. Olikhov D. V. Vremennoye vyssheye tserkovnoye upravleniye Sibiri (1918–1920 gg.). Opyt tserkovnogo stroitel'stva v epokhu grazhdanskogo likholet'ya. [Temporary higher church administration in Siberia (1918–1920). The experience of church building in the era of civil hard times]. Sankt-Peterburg, 2017. 220 p. (In Russ.).
14. Sushko A. V. Svyashchennik v russkoy revolyutsii: vzglyad na problemu s pozitsiy antropologicheskogo podkhoda k istorii (vystupleniye na kruglom stole «Dukhovenstvo i revolyutsiya», posvyashchennom istorii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v gody revolyutsii i Grazhdanskoy voyny v Rossii, 5 dekabrya 2019 g.) [A priest during the Russian Revolution: a view of the problem from the perspective of an anthropological approach to history (speech at the round table «clergy and revolution», dedicated to the history of the Russian Orthodox Church during the revolution and Civil War in Russia, December 5, 2019)] // *Vestnik Omskoy pravoslavnoy dukhovnoy seminarii. Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary*. 2020. No. 1 (8). P. 89–96. (In Russ.).
15. Sushko A. V. Sibirskiy tserkovnyy sobor: opyt noveyshey arkhеografii // [The Siberian Church Council: Experience of Modern Archeography] // *Vestnik arkhivista. Herald of an*

Archivist. 2021. No. 3. P. 939–945. DOI: 10.28995/2073-0101-2021-3-939-945. (In Russ.).

16. Petin D. I. Mify v lokal'noy istorii: obzor raboty kruglogo stola v Omske // *Sibirskiy antropologicheskiy zhurnal* [Myths in the local history: an overview of the round table in Omsk] // *Sibirskiy antropologicheskiy zhurnal. Siberian Journal of Anthropology*. 2020. Vol. 4, no. 4. P. 38–49. DOI: 10.31804/2542-1816-2020-4-4-38-49. (In Russ.).

17. Rogoznyy P. G. *Pravoslavnyaya tserkov' i russkaya revolyutsiya: ocherki istorii 1917–1920*. [The Orthodox Church and the Russian Revolution: Essays on the History of 1917–1920]. Moscow, 2018. 303 p. (In Russ.).

18. Kalinovskiy V. V., Smirnov N. N. Aktual'noye naslediyе Sibirskogo sobora [The actual heritage of the Siberian Council] // *Rossiyskaya istoriya. Russian History*. 2021. No. 6. P. 199–203. DOI: 10.31857/S086956870017302-3. (In Russ.).

19. Puchenkov A. S., Kalinovskiy V. V. *Dukhovnyy forpost Rossii: pravoslavnoye dukhovenstvo Kryma v 1914–1920 godakh* [Spiritual outpost of Russia: the Orthodox clergy of the Crimea in 1914–1920]. Sankt-Peterburg, 2020. 407 p. ISBN 978-5-93615-232-0. (In Russ.).

20. Firsov S. L. «Vremya voynе i vremya miru». *Pravoslavnyaya Rossiyskaya tserkov' i Grazhdanskaya voyna v Rossii: ocherki istorii i istoriografii* [Time for war and time for peace: Orthodox Russian Church and the Civil War in Russia: essays on history and historiography]. Sankt-Peterburg, 2018. 166 p. (In Russ.).

21. Puchenkov A. S. *Pervyy god Dobrovol'cheskoy armii: ot vozniknoveniya «Alekseyevskoy organizatsii» do obrazovaniya*

Vooruzhennykh sil na Yuge Rossii (noyabr' 1917–dekabr' 1918) [The first year of the Volunteer Army: from the emergence of the «Alekseevskaya organization» to the formation of the Armed Forces in the South of Russia (November 1917–December 1918)]. Sankt-Peterburg, 2021. 813 p. ISBN 978-5-93615-233-7. (In Russ.).

SMIRNOV Nikolay Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Professor of History Institute, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg.

SPIN-code: 1106-7500

AuthorID (RSCI): 641143

ORCID: 0000-0002-9083-322X

AuthorID (SCOPUS): 57188803049

ResearcherID: H-2502-2015

Correspondence address: nick_smirn@mail.ru

For citations

Smirnov N. N. «The church cannot be separated from civil history...» // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2022. Vol. 7, no. 2. P. 57–64. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-57-64.

Received February 01, 2022.

© N. N. Smirnov